

К. Фойтик

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ЭТНОГРАФИИ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

В настоящее время главной задачей, решением которой заняты этнографические и фольклорные центры Чехословакии, является подготовка многотомного обобщающего труда по истории чешской и словацкой народной культуры. В этом труде, кроме описания отдельных явлений народной культуры, основанного на полевых материалах, собранных в XIX—XX вв., и на архивных и литературных источниках, должен быть представлен и глубокий анализ исторического развития этих явлений. Создание столь грандиозного по масштабам труда впервые предпринято в Чехословакии. В этой сложной и ответственной работе, планируемой на многие годы, участвуют научные сотрудники институтов Чехословацкой и Словацкой Академий Наук, а также сотрудники многих других институтов Чехословакии.

Естественно, что подготовка сводного труда по истории чешской и словацкой народной культуры потребовала решения многих вопросов как чисто технического, так и теоретического характера. Они связаны со сбором и публикацией разрозненных данных о традиционной народной культуре и с определением места отдельных традиционных явлений в быту народа¹, объяснением происхождения и ранних фаз развития каждого явления, его взаимосвязи с культурой других народов, оценкой различных влияний на формирование данного явления и т. д.²

В связи с этим выявилась необходимость проведения ряда работ. Прежде всего, надо взять на учет все сохранившиеся до наших дней уникальные предметы (и сведения о них) традиционной народной культуры. Это касается не только данных полевых исследований, но и материалов, хранящихся в фондах отдельных музеев и частных собраниях. Цель такого учета — упорядочить и сделать доступными для научного использования богатейшие коллекции. Речь идет главным образом о коллекциях, собранных во II половине XIX в. не имевшими специальной подготовки энтузиастами-патриотами. Это отразилось на отборе ими материала, критериях определения «народности» отдельных предметов, их документации. В некоторых небольших музеях, особенно в частных собраниях, хранятся без должной паспортизации многие уникальные предметы, нередко дополняющие наши сведения об отдельных сторонах культуры.

¹ Достаточно сказать, что в течение столетий менялось, например, значение отдельных элементов свадебного обряда, различных обычаев и обрядов, связанных с земледелием, или календарных обычаев, нередко сохраняющихся до настоящего времени и в городах, а иногда и возрождающихся здесь заново.

² Очень важна, например, оценка роли, которую играли в народной культуре юридические предписания определенного времени. В народной среде долго сохраняются следы старых контактов: так, в обычном праве виноделов до XV в., когда были записаны первые советы владельцам виноградников, сохранились обычаи, связывающие виноградарство в Моравии с Византией (ср. J. Pošvář, O původu viničních právních zvyklostí na jižní Moravě, «Slovácko», 1965, № 7, str. 82—89).

Далее представляется необходимой проверка данных, содержащихся в прежних этнографических и фольклорных монографиях, а также в записях, хранящихся в архивах различных институтов. Благодаря усилиям многих поколений уже в XIX в. был собран большой и разнообразный этнографический материал. Однако именно в период чешского «национального возрождения» с его восторженным патриотизмом множество материалов было собрано для музеев коллекционерами-любителями, не имевшими никакой научной подготовки. Они обращали внимание преимущественно на те черты культуры народа, которые являлись наиболее архаичными и, по их мнению, истинно народными, отвечавшими «духу народа», и игнорировали все то, что противоречило их представлениям о необычайном совершенстве народной культуры³. Кроме того, в XIX в. (и первой половине XX в.) объектом этнографического изучения были только жители сел, да и то лишь определенные их слои как в имущественном, так и в возрастном отношении⁴. Первое теоретически грамотное этнографическое изучение рабочих, развернувшееся довольно интенсивно в 90-х гг. прошлого века перед Этнографической чехославянской выставкой в Праге (1895 г.), было запрещено правительством⁵.

Следует также использовать этнографические материалы, содержащиеся в периодической печати XVIII и XIX вв. Наряду с многочисленными журналами имеются самые различные областные публикации, календари, близкие народу своей направленностью и содержанием. Они интересны не только как источник информации о некоторых явлениях народной культуры того времени, но и с точки зрения их влияния на формирование мировоззрения народа⁶. Очень важна библиографическая работа по систематизации этнографических и фольклорных статей, разбросанных в многочисленных новейших центральных и областных журналах и газетах⁷.

³ С этим связаны, например, преимущественный интерес к народному костюму, семейным и календарным обычаям как основным элементам народной культуры, и почти полное игнорирование других, столь же или еще более стабильных, элементов культуры, например, сельскохозяйственных орудий.

⁴ Здесь нужно сказать о противоречиях между той картиной деревенского быта прошлого века, которую рисуют материалы, собранные этнографами в XIX и XX вв., и информацией, содержащейся в других, более объективных источниках, например в административных данных. Информаторы, рассказывающие о своей юности, нередко приукрашивают действительность: быт того времени приобретает черты всеобщей гармонии, когда всеми соблюдались установленные обычаи, особенно нормы взаимоотношений между молодым и старым поколением. С другой стороны, ими преувеличиваются размеры бедствий, перенесенных в молодости, тяжесть выполняемых работ, они выражают недовольство «падающим» почтением молодежи к старшим, хотя во времена молодости старшее поколение предъявляло к ним те же претензии. Новшества, связанные с быстрым развитием экономики, разрушающим старые порядки в деревне, иногда принимались старшим «опытным» поколением с недоверием и завистью, так как следующее поколение было избавлено от части тех тяжелых работ (например, в земледелии), которые в прошлом были обязательны.

⁵ Cp. O. Skalníková, Národopisná výstava československá a dělnictvo, «Československý lid» (далее ČL), 1955, roč. 42, str. 106—112; K. Fojtík, Dům na předměstí (Etnografická studie o životě obyvatel činžovního domu v Brně), «Brno v minulosti a dnes», 1960, roč. 5, str. 45—47.

⁶ В настоящее время подготовлена библиография интересных с точки зрения этнографии и фольклористики статей периодической печати Чехии и Моравии до середины XIX в. В занимательных чтениях того времени, до сих пор недостаточно доступных, сохраняются, например, многочисленные сведения о танце с мечом в Страни в восточной Моравии в начале XIX в., о свадебном обряде в южной Моравии около 1810 г., о рабочих колониях в г. Брно около 1830 г. и т. д. Календари и многие статьи публицистов уделяли большое внимание народной культуре с конца XVIII в.

⁷ Первое место здесь принадлежит библиографии, публикуемым в качестве приложения к «Этнографическому чехословацкому вестнику». См.: V. Karbaisický, Soupis folkloristických příspěvků v hudebních časopisech CSSR 1945—1959 (1960).

Необходимо также скорейшее изучение и фиксация сохранившихся явлений традиционной народной культуры в областях, жители которых переселяются в другие места в связи с расширением угольных разработок или постройкой плотин. Задачи этнографов, собирающих материал в этих районах, будут различны. Так, в шахтерских районах, где жители целых деревень и даже городов переселяются на новые места, этнограф исследует культуру и быт малознученных групп населения, а также процесс интеграции, проходящий в новых местах жительства, отдельные явления в особенности социальной и духовной культуры, например прекращение старых и образование новых соседских объединений, нормы и формы их бытования, в меньшей мере некоторые стороны материальной культуры — пищу, способы расстановки мебели в помещениях и т. д. Охрана памятников предшествующего этапа развития связана здесь с изучением новых элементов культуры, что способствует выявлению стабильности отдельных традиционных явлений.

В затопляемых районах исследуется традиционная народная культура, уже описанная в большинстве случаев раньше, с целью дополнения и проверки прежних данных. Иногда сбор материалов здесь проводится совместно с музеями, так как многие элементы народной культуры при переселении жителей в новые места бесследно исчезают⁸.

Задачей этнографов является также изучение современного состояния народной культуры в промышленных и сельских местностях, жителям которых не предстоит переселение. Приступая к работе в промышленных городах и областях, признанных в европейской науке почти повсюду объектом этнографического изучения, столь же важным и необходимым, как современная деревня, этнограф должен прежде всего определить цели, и в связи с ними методы исследования, а также критерии установления границ изучаемой области. Без этого невозможна серьезная разработка программы исследований и руководства для сбора сравнительного материала (общая схема работы с информатором, отбор информаторов, способ записи и т. п.).

Проблему изучения промышленных центров пытались решить самыми разными путями ученые многих стран: одни, собирая синхронные данные с небольшими историческими экскурсами⁹, подчеркивали социологическую сторону исследования, очень важную для интерпретации этнографических данных, но не самодавлеющую; другие пытались исследовать быт и культуру населения промышленных центров, особенно предместий, и влияние современного индустриального развития на их быт и представления¹⁰; третьи приступали к решению вопроса, выявляя

A. a R. Jeřábkoví, *Soupis etnografických a folkloristických příspěvků v Museu Franciscum Annales 1895—1898 a v Časopise Moravského musea zemského 1901—1938* (1962);

V. Karbusický, *Soupis etnografických a folkloristických příspěvků v Časopise Českého musea 1827—1940* (1961); R. Žátko, *Výberová bibliografia ľudovej kultúry karpatskej na Slovensku* (1962); A. a R. Jeřábkoví, *Soupis etnografických a folkloristických příspěvků v Časopise Matice moravské 1869—1943* (1964); R. Jeřábek, *Soupis etnografických a folkloristických příspěvků ve Sborníku Musejní společnosti ve Valašském Meziříčí 1884—1911* (1964); R. Jeřábek a kol., *Bibliografie národopisných příspěvků v regionálnich časopisech moravského Slovácka* (1964); и х же, *Soupis národopisných příspěvků v regionálnich časopisech Moravského Valašska* (1966). Самостоятельно вышла публикация «*Soupis časopiseckých prací z Valašska a Záhří*», (Brno, 1965), подготовленная Л. Кунцем.

⁸ Инвентаризация элементов народной культуры здесь особенно важна, так как эта территория может явиться границей распространения какого-либо элемента, и точное обозначение ее необходимо при работе над этнографическим атласом.

⁹ Напр., работа: W. Brepohl, *Industrievolk im Wandel von der agraren zur industriellen Daseinsform (dargestellt am Ruhrgebiet)*, Tübingen, 1957.

¹⁰ Речь идет не о простом изучении разрозненных предметов и явлений, сохранившихся от прошлого быта у новых «мещан», как это делалось при первых попытках исследования, а скорее об определении основных психических и этнических принципов.

основные черты, которыми культура рабочих и городских жителей отличается от традиционной культуры жителей села¹¹.

Разнообразие целей и методов этнографического изучения промышленных центров и областей само по себе свидетельствует о необычайной сложности проблем, стоящих перед этнографами. Сложность этих проблем и в их новизне, и в недостаточной разработанности методики и технической оснащенности работы этнографов в сравнительно монолитной традиционной среде. Назрела необходимость более подробного и точного определения понятий, с которыми до сих пор имели дело этнографы, интуитивно ограничивая их объем и содержание. Необходимо определить также отношение этнографии к родственным общественным дисциплинам, а это опять-таки означает углубление теоретических положений этнографической науки, которые, в свою очередь, находят подтверждение в конкретных исследованиях, проводимых в разных странах с помощью различных методов.

Определить цели исследования культуры и быта населения промышленных центров стремились и этнографы Чехословакии в своих законченных монографиях («Kladnensko», Praha, 1961; «Rosicko—Oslavansko», Praha, 1961; «Banická dědina Žakarovce», Bratislava, 1956), а также ведущиеся в настоящее время работы в Готвальдовском районе Остравской области и в районах новостроек у г. Кошице. Ученые описывают явления традиционной культуры, сохранившиеся у населения промышленных центров, чаще всего пережитки крестьянского быта, а также новые элементы культуры и быта, возникающие под влиянием социалистических общественных и производственных отношений в однородной социальной и возрастной среде рабочих кварталов и поселков, в первую очередь в так называемых рабочих колониях — жилых комплексах, построенных в горняцких городах и других промышленных центрах для некоторой части постоянных рабочих предприятий; таким комплексом поселков-колоний был например, почти весь г. Готвальдов¹². Однако этнография не может ограничиться лишь простым описанием явлений. Цель ее — постигнуть глубокие изменения в культуре и быте населения промышленных городов и областей, которые явились следствием преобразования экономических и общественных условий жизни; выявить в этом сложном, нередко противоречивом развитии действительные ценности, связывающие современную культуру и быт с предшествующими периодами и способные развиваться в будущем, открыть в универсальных и, на первый взгляд, однородных явлениях, отношениях и нормах наиболее характерные для исследуемой территории. Это очень трудная задача, ибо такие явления, отношения и нормы не всегда заметны. Их нередко скрывают сами информаторы — или потому, что недооценивают их и боятся показаться «отсталыми», «несовременными», или же из простой скромности, которая мешает говорить о слишком интимных вещах¹³. Решение этой задачи будет способствовать сохранению и развитию ценных элементов тра-

¹¹ См., напр. исследование: R. Braun, *Industrialisierung und Volksleben, «Die Veränderungen der Lebensformen in einem Industriegebiet»*, Bd. I—II, Erlenbach—Zürich — Stuttgart, 1960, 1962.

¹² Эта цель, в достижении которой методы этнографии приближаются к методам социологии, кажется нам очень важной: сравнение, например, некоторых результатов работы, полученных при изучении норм соседских связей, показывает значительное отличие их от подобных связей в тех же условиях, в современных капиталистических городах.

¹³ Мы говорим вовсе не о преднамеренном приспособлении, как это понимают некоторые исследователи. Ср., напр.: W. E. Mühlmann, *Homo creator*, Wiesbaden, 1962, S. 318 и, f.

диционной народной культуры в промышленных городах социалистической Чехословакии¹⁴.

Подобное положение наблюдается и в областях с преобладанием земледельческого населения (чисто земледельческих областей, развивающихся без постоянного контакта с промышленными или административными центрами и вне культурного влияния этих центров, в Чехословакии нет). И в них, хотя бы в своих «внешних» проявлениях, традиционная народная культура приобретает новые черты, связанные с растущим влиянием быта соседних городов.

Большую роль в распространении городского влияния играет торговля. Крестьяне охотно покупают товары фабричного производства, деревенские ремесла постепенно угасают. Деревенские жители и сами часто бывают в городах (этому способствует развитая сеть железнодорожных и автобусных линий), где приобретают не только дорогостоящие вещи, например мебель или праздничную одежду, как это было еще перед второй мировой войной, но и предметы самой первой необходимости.

Дальние поездки деревенских жителей — членов кооперативов в другие области, а нередко и за границу, которые раньше им были практически недоступны, влияют гораздо меньше, ибо быт населения других стран или отдаленных областей настолько отличается от их собственного, что не вызывает подражания. Из дальних поездок чаще всего привозят лишь украшения. Большую роль в распространении городского влияния играет телевидение.

Этнографам необходимо также обратить внимание на переоценку значения традиционной, в особенности деревенской, народной культуры в сознании не только городского, но и сельского населения. Особенно заметно это в отношении к «внешним» проявлениям традиционной материальной культуры, к жилищу и его мебелировке, рабочей и в особенности праздничной одежде, не говоря уже о сельскохозяйственных орудиях и другом инвентаре земледельческого хозяйства. За исключением нескольких областей с ярко выраженным региональным своеобразием, где усилия направляются на сохранение народных традиций (традиционные формы культуры пропагандируются печатью, радио, телевидением, например, в моравской Словакии)¹⁵, младшее и среднее поколение сельских жителей старается перенимать «внешние» стороны городского быта, избавиться от всего того, что подчеркивает их профессию земледельцев и деревенское происхождение. Большую роль здесь играет изменение оценки профессий земледельца (некогда весьма почетной) и квалифицированного рабочего.

Уважение к народной традиции, всеобщее признание отдельных норм, нередко поддерживаемых ранее даже в принудительном порядке наибо-

¹⁴ Большой интерес в этой связи представляет изучение проблемы фольклоризма, важной для понимания некоторых современных явлений, например, растущего интереса к предметам народного искусства в среде, которая в прошлом отличалась стремлением к преодолению традиционного, т. е. сельского быта, и к замене его новым «прогрессивным», «современным», «городским» (такие настроения в деревне еще сильны, например, в Словакии). Интересно в этом отношении распространение традиционных песен, танцев из одних областей в другие, где специфика культуры в прошлом была совершенно иной (например из Валахии или Моравской Словакии в другие районы Моравии или Чехии). Фольклоризм сочетается с большим интересом к разным старинным вещам, давно вышедшим из моды (кофейные мельницы, ступки и пр.).

¹⁵ С обновлением отдельных характерных черт региональной культуры мы встретились в последние годы в областях, богатство народного костюма которых было удивительным еще в прошлом. Это также своеобразная разновидность фольклоризма в деревне. Так, например, в с. Ланжгот у Бржецлава группа молодежи надевает по воскресеньям богатый местный традиционный костюм, в с. Жлутав у г. Готвальдова сохраняется новогодний карнавал с масками, на который съезжаются жители окрестных деревень и т. д.

лее уважаемыми жителями деревни, престиж тех жителей, которые придерживаются местных обычаев, — все это постепенно уступило место скептическому отношению большей части деревенского населения к традиционной народной культуре и признанию превосходства городского быта в его «внешних» проявлениях. Тяга к городскому образу жизни приводит к растущим расходам на обстановку жилища: наряду с новыми потребностями в удобствах городского быта (водопровод, ванна и т. д.) здесь проявляется и желание продемонстрировать степень зажиточности семьи (подобно этому и с той же целью раньше крестьянские семьи несли непомерные расходы при устройстве свадеб или похорон, так как должны были сделать все, что предписывала социальная норма для данного слоя общества). Если в прошлом общественный престиж зависел в деревне от тщательности соблюдения внешних норм культуры, то сейчас наблюдается, особенно у деревенской молодежи, показное пренебрежение к ним, приближение к общепризнанному городскому стандарту.

С этими изменениями в отношении к местным традициям и растущим авторитетом города этнограф должен считаться при изучении современной деревни, когда он объясняет процесс развития, или даже ограничивается простой регистрацией явлений.

Город уже в прошлом веке влиял в той или иной степени на внешнюю сторону культуры и быта не только тех людей, которые переехали в город и нашли работу на фабриках, но и на чисто крестьянское население¹⁶. Пути этого влияния — распространение промышленных товаров торговцами и ремесленниками. Однако, нельзя не признать, что в деревне, так же как и в бурно растущих предместьях промышленных городов, в первой половине прошлого века это стремление к «урбанизации»¹⁷ затронуло лишь внешнюю сторону культуры и быта. «Внутренние» же, скрытые, и более важные их стороны большей частью сохранялись неприкосновенными: известна, например, стабильность народной пищи¹⁸, устойчивость деревенского типа соседских отношений, в частности, представлений о нормах взаимных прав и обязанностей соседей и т. д.¹⁹ Соседские отношения, которые в деревне были связаны с потребностями повседневного быта, проявляются сейчас в условиях общежития в городских домах и микрорайонах, населенных людьми одной профессии, одного уровня образования, одинаковых интересов вне работы. Иногда сохраняется и влияние малочисленной группы «старожилов»²⁰.

¹⁶ Интенсивность этого влияния быстро росла не только потому, что были уничтожены цеховые ограничения, но и потому, что незначительные в прошлом различия в культуре большинства городских и сельских жителей в течение XIX в. намного увеличились, деревня отстала от города.

¹⁷ Характер и действенность контактов между городом и деревней зависят главным образом от рода этих контактов: именно поэтому иногда говорят о влиянии города на деревню как о влиянии «модернизма», а термин «урбанизация» не употребляют.

¹⁸ Особенно долго сохраняются некоторые блюда, связанные с традиционными календарными обычаями (например, на Рождество), а также те, которые готовятся по специальному рецепту к особому случаю, например, в дни семейных праздников, как угощение для гостей. Интересно, что в городе такие блюда часто приобретают характер семейного «фирменного блюда» (так же, как в отдельных ресторанах).

¹⁹ Если для соседских взаимоотношений в городе важны прежде всего объединяющие людей общие интересы, то для деревни и сейчас важен территориальный принцип; это сохраняется и в новых районах, например в г. Готвальдове проявляется необычайная готовность к соседской взаимопомощи. В отдельных случаях и у жителей многоэтажных домов в больших городах (например, в г. Брно) все семьи, живущие в доме, считают своей обязанностью участвовать в похоронах своего «соседа», жителя «их» дома.

²⁰ Старожилы в крупных городских домах почти всегда составляют 20—25% всех жильцов. Некоторые семьи живут в одной и той же квартире или доме уже не в первом поколении, соседские связи в таком случае завязываются еще в детстве.

Поверхностное изучение, основанное на внешнем впечатлении или информации, собранной косвенным путем, приводит, с одной стороны, к переоценке степени урбанизации деревенской жизни в целом и игнорированию в связи с этим традиционных локальных форм быта, а с другой стороны — к недооценке отдельных стадий появления новых форм, заимствованных из города²¹.

Несомненны преимущества классического метода этнографического изучения — метода непосредственного, длительного наблюдения. Его применение позволяет глубоко проникнуть в существо оценки деревенской молодежью местных традиций и разглядеть за внешними проявлениями этноцизма действительное отношение к ним.

Особое место в этнографическом изучении современности занимают работы среди чешских и словацких меньшинств за границей — в Польше, Румынии, Венгрии, ГДР, Югославии. Речь идет не только о простом описании современной картины их жизни, хотя и это представляет определенный интерес. Благодаря особым условиям, в которых развивались культура и быт национальных меньшинств, эта работа может дать ценнейший материал как о ранних формах отдельных элементов культуры на их первоначальной родине, так и о роли контактов в другой национальной среде²².

Этнографическое изучение современности, которое в нашей науке представляет собой единое целое и лишь условно разделяется на две ветви — изучение промышленных городов, рабочего класса и исследования в деревне, — необыкновенно трудная и сложная задача. Ее решению способствовало бы теснейшее сотрудничество этнографов со специалистами смежных дисциплин, особенно на подготовительной стадии работы и на ее заключительном этапе — интерпретации собранного материала²³. Однако до сих пор не удалось создать комплексную исследова-

²¹ Новое отношение к городу выражается и в том, что элементы городского быта переживаются пассивно, в то время как раньше они всегда приспосабливались к местной традиции.

²² В таких компактных группах меньшинств всегда дольше сохраняются отдельные явления традиционной культуры, уже исчезнувшие на их прежней родине. Результатом проведенных работ была публикация ряда статей. Основной материал, полученный в Румынии, напечатан в журнале «Český lid», roč. 49 за 1962 г.: V. Scheufler, O. Skalníková, Kultura rumunských Čechů, Hmotná a duchovní kultura (str. 145—160); J. Jech, Lidové povídky (str. 161—172); V. Karbusický, Písňový a hudební folklór (str. 173—184); S. Utěšený, O jazyce českých osad na jihu rumunského Banátu (str. 201—209). См. также специальные работы: O. Skalníková, V. Scheufler, Zklady hmotné a duchovní kultury českých kovozemědělců v rumunském Banátu, ČL, 1963, roč. 50, str. 332—342; J. Jech, Lidové povídky rumunských Čechů, там же, str. 343—357. Сведения об одной из старейших групп чешских переселенцев в Польше в р-не Стржеллина содержатся в работе: I. Heroldová, K akulturačnímu procesu nejstarší české menšiny, ČL, 1966, roč. 53, str. 146—159. Чехам в Югославии, кроме книги R. Bednárika «Slováci v Juhoslávii» (Bratislava, 1964) посвящена статья O. Sobotky «Svatební zvyky Čechů a Slováků na Daruvarsku v Jugoslávii», ČL, 1965, roč. 52, str. 227—231. Более общий характер носят статьи: I. Heroldová, Etnografická problematika českých národnostních menšin, ČL, 1964, roč. 51, str. 366—379; е е же, Ethnographical Problems of Czech National Minorities, «Referáty československé delegace na VII. mezinárodním kongresu UISAE v Moskvě», 1964. Перечень выполненных работ, связанных с этой темой, содержит ее статья «České národnostní menšiny a národopis», «Národopisné aktuality», 1966, č. 3—4, str. 12—20.

²³ Например, при подготовке исследований в районе Остравы участвовали историки, изучавшие историю микрорайона; в меньшей мере можно было опираться на исследования социологов, которые в этой области работают специально (не говоря о том, что социологи очень мало внимания уделяют ранним фазам развития городского и сельского обществ, а знания эти были бы очень нужны для этнографической интерпретации фактов). При подготовке работ в г. Готвальдове, наоборот, удалось найти контакт с социологами, в особенности в смысле урегулирования этнографических и социологических методов исследования и расстановки сил. Об опыте этого интересного сотрудничества информирует М. Гайек; см. M. Hajek, Die ethnographische Erforschung des

тельскую группу, которая изучала бы один и тот же объект с точки зрения различных общественных наук, что обеспечило бы всестороннее рассмотрение данных о современном состоянии и развитии отдельных явлений культуры или их комплекса.

Не менее важное значение имеют и попытки объективного освещения ранних этапов развития чешской и словацкой народной культуры на основании сведений самых различных источников. Уже в конце прошлого века были предприняты попытки использовать, кроме полевого материала, архивные данные, старую литературу моралистов, разнообразные юридические сборники и огромное богатство иллюстраций в старой печати. Широкому использованию всех видов архивных источников мешала их недостаточная обработка. Они были разбросаны в многочисленных малых местных архивах, не было и нужной информации об отдельных фондах. Кроме того, архивные материалы, отражавшие, иногда с удивительными и неожиданными подробностями, старый быт, касались почти всегда лишь крупных городских центров²⁴. Маленькие городки, а тем более деревни, оставались в стороне; отдельные архивные данные, случайно найденные исследователями других дисциплин, в особенности историками, не могли идти в сравнение с данными о больших городах.

Историческая этнография в Чехословакии может опираться на работы по истории культуры (в том числе и народной культуры) Зигмунда Винтера и Ченка Зибрта, написанные с учетом архивных материалов, а также на опыт работы сотрудников других институтов в архивах малых городов. Хотя эти работы не могли дать полной картины народного быта, однако их вклад в развитие методики исторической этнографии бесспорен: они указали на те возможности, которые открывает использование архивных данных, а их недостатки лишний раз говорят о необходимости сопоставления этих данных с другими источниками, в том числе и с полевыми материалами.

Чтобы сделать источники, хранящиеся в разных местах, более доступными для исследователей, работники архивов провели большую работу по концентрации мелких собраний в крупных архивохранилищах. Тем самым был открыт путь к тщательной обработке и сравнению различных архивных фондов, что было необходимо для реконструкции истории развития каждого явления культуры²⁵. Ведь нужно выяснять конкретные социально-экономические условия работы и жизни народа в деревне, в маленьком городке и в крупном городе в разные периоды, чтобы почув-

Gebietes Gottwaldov soziologisch gesehen. Die methodische Auswertung als konkreter Beitrag zur Mitarbeit zwischen den Wissenschaften, «Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university», 1966, G. 10, str. 17—32.

²⁴ Того же характера крупные работы З. Винтера, прежде всего его двухтомный труд «Kulturní obraz českých měst», посвященный культурной жизни в XV—XVI веках (Прага, 1890 и 1892) и «Český průmysl a obchod v. XVI věku», (Прага, 1913); «Dějiny kroje v zemích českých od počátku věku XV. až po dobu bělohorské bitvy» (Прага, 1893). См. также публикации Ченка Зибрта: Čeňek Zíbrt, «Dějiny kroje v zemích českých od dob nejstarších až po války husitské» (Прага, 1892); «Staročeské výroční obyčeje, pověry, slavnosti a zabavy prstonárodní, pokud o nich vypravují písemné památky až po náš věk» (Прага, 1889), «Rády a práva starodávných pijanských cechu a družstev kratochvilných v zemích českých» (Прага, 1910), «Veselé chvíle v životě lidu českého I—VIII» (Прага, 1909—1911), дающие главным образом сведения, взятые из более старой литературы, но с попыткой их исторической интерпретации, т. е. освещения путей и причин их развития.

²⁵ Часто, однако, даже многосторонняя архивная информация недостаточна для понимания значения отдельных записей, напр. связей, характерных для термина «Koltre» в XV и XVI веках. Это было вызвано неточностью самого термина, старофранцузского «colstre» и «coltre», (перина, пуховое одеяло), итальянского «coltrice», «coltre-mate-gazzo», «coperta da letto». Неточность привела к тому, что термин переносился и на новые предметы в домашнем обиходе.

ствовать «дух времени». Необходимо определить критерии оценки второстепенных и третьестепенных функций каждого традиционного элемента и явления, познакомиться с различными факторами, под влиянием которых народная культура в наших землях развивалась по меньшей мере с XVI века²⁶.

Исследования, ведущиеся в этом направлении, опираются главным образом на архивные данные, дополняемые этнографическими материалами. Одновременно чехословацкие этнографы в последнее пятилетие проводили работу по изучению этнографических коллекций, собранных в XIX и XX вв., причем архивные и литературные данные использовались ими лишь для проверки, уточнения и дополнения этих материалов. И здесь наши ученые достигли значительных успехов, например при исследовании старых форм земледелия, поселений, народных промыслов и обычаев²⁷.

Написание истории чешской и словацкой народной культуры является, как уже говорилось, основной задачей всех чехословацких этнографов на ближайшие годы. Однако значительное место в чехословацкой этнографии занимают и другие работы. Так, уже несколько лет ведется изучение цыган, живущих в Чехословакии²⁸, разрабатываются проблемы балканистики²⁹; в последние годы успешно развивается и этнографическое изучение населения других континентов, особенно африканистика и американистика³⁰.

Подготовкой истории чешской и словацкой культуры заняты и фольклористы. Много внимания они уделяют каталогизации собранного материала; их фонды, в особенности собрания народных песен, обозначены в архивах уже пятизначными номерами. Классификация в каталогах текстов и мелодий, проводимая фольклористами с учетом самых разных критериев, готовится к будущей статистической обработке с помощью вычислительных машин, что является одной из основных задач

²⁶ Попытки дать полную картину отдельного цикла обычаев содержат статьи К. Фойтика, см.: K. Fojtík, *Svatba na střední a západní Moravě v 16 a 17. století*, ČL, 1965, roč. 52, str. 332—343; егo же, *K otázce podmínek vývoje lidové kultury v 16. a 17. století*, ČL, 1966, roč. 53, str. 294—306. Большую помощь в этой работе оказали публикаций историков см.: Fr. Matějek, *Feudální velkostatek a poddaný na Moravě s přihlédnutím k přilehlému území Slezska a Polska*, Praha, 1959; V. Procházka, *Česká poddanská nemovitost v pozemkových knihách 16 a 17. století*, Praha, 1963; J. Petráň, *Zemědělská výroba v Čechách v druhé polovině 16. a počátkem 17. století*, Praha, 1963.

²⁷ Напр. J. Krmarík, *Dva typy zemědělského nářadí a jejich severní hranice v Pošumaví: Agrikultura, k Sborník Polnohospodářského muzea v Nitře*, 1963, str. 41—54; егo же, *Příspěvek k historii českých rádel*, ČL, 1965, roč. 52, str. 321—332; V. Pražák, *K problematice vzniku jizby a síně v čs. obydlí a jejich vztahů k staroslovanskému a frankskému domu*, ČL, 1965, roč. 52, str. 267—275; L. Stěpánek, *Vývoj sídel v širší oblasti Královéhradecka a Orlických hor*, «Vědecké práce Československého zemědělského muzea 1965», str. 117—138; D. Stránská, *O vývoji truhel zvaných sůsek a skřínka*, «Časopis Slezského muzea. — Acta Musei Silésiae», 1963, roč. 12, str. 39—63; M. Ludvíková, *Morawskie druki bezpośrednie na tkaninach*, «Polska sztuka ludowa», roč. 19, str. 183—190; S. Švecová, *Klasifikácia rodinných foriém v slovenskom materiáli*, ČL, 1966, roč. 53, str. 85—89. Очень важны в этом отношении работы Я. Крамаржика о старых формах земледельческого производства в Шумаве (канд. дисс.), В. Шойфлера о чешском гончарстве (в печати), Г. Лаудовой о южночешском льноводстве (канд. дисс.).

²⁸ Ср. E. Horváthová, *Cikáni na Slovensku I*, Bratislava, 1964.

²⁹ Ср. работу Г. Гинковой о средневековых путешествиях по Болгарии, как историческом источнике (канд. дисс.). См. также V. Frolec, *Půdorysný vývoj domu v sošijské oblasti*, ČL, 1964, roč. 51, str. 93—99; егo же, *Vliv rozkladu velkorodiny na vývoj lidového obydlí v západním Bulharsku*, ČL, 1965, roč. 52, str. 164—175.

³⁰ Их центры — музей им. Напрстка и Карлов университет, а также Институт этнографии и фольклористики и Институт востоковедения ЧСАН. См.: L. Holý, *Rozpad rodového zřízení ve východoafrické Mezifíči*, Praha, «Rozprawy CSAV», 73, 1963; егo же, *Local Communities among the Berti*, «Annals of the Náprstek Museum», 1962, roč. 1, str. 37—52; M. Stuchlík, *Batak social and political organization*, там же, str. 101—122; V. Solc, *Meeresflösse in Vietnam*, там же, str. 123—130, и др.

научного исследования. Эта работа необходима и для теоретической разработки разных видов классификаций и схем. Особенно трудна классификация в области музыкального и танцевального фольклора: необходимо найти совершенно новые символы, которые отражали бы сложную специфику музыки и танцев и в то же время отвечали общим требованиям каталогизации. Все это требует подробного и многогранного анализа основной части собранных фондов, определения главных, специфических черт чешского и словацкого песенного фольклора³¹, которые стали основой системы каталогизации. Составление каталога текстов песен также связано с решением ряда теоретических проблем³², в первую очередь с проблемой критериев классификации.

Большое внимание уделяется изучению збойничьих традиций, над которыми много работали и раньше³³, исследованию интернациональных связей фольклора³⁴, анализу фольклорных традиций и их развития в определенных областях³⁵. Так же, как и этнографы, фольклористы много занимаются проблемами современных традиций, например, новым музыкальным и словесным творчеством³⁶.

Самостоятельным разделом труда по истории чешской и словацкой народной культуры будет этнографический атлас. Чехословакия в этом отношении отстает от большинства европейских стран. Работа над атласом была начата только в последние годы. Подготовлены к печати пробные анкеты, уточнены общие принципы исследования, определено место

³¹ Ср., напр., O. Elschek, *Pojem a základne znaky hudobného folklóru: Hudobno-vedné štúdie* 3, Bratislava, 1959, стр. 5—42; A. Elscheková, *Náčrt a zásady systému analýzy a triedenia slovenských ľudových melodií*; «Slov. národopis», 1963, ро. 11, стр. 43—50; Z. Horáľková, *Archaické útvary strofické v českých a slovenských ľudových písnich*, там же, стр. 310—359; K. Vetterl, *The method of classification and grouping of Folk melodies*, «Studia musicologica Academiae Scientiarum Hungaricae», 1965, № 7, стр. 349—355; D. Holý, *The classification of ornamental elements in folk dance—music against the background of a metrorhythmical basis*, там же, стр. 263—272; Š. Tóth, *Pohybové skupiny slovenského ľudového tanca*, «Hudobno-vedné štúdie», 3, Bratislava, 1959, ро. 43, стр. 118; D. Klímová—Rychnová, *Příprava katalogy českých pověstních žánru*, «Slov. národopis», 1963, ро. 11, стр. 439—484; L. Pourová, *K otázkám třídění pověstí*, ČL, 1963, ро. 50, стр. 67—73.

³² Ср. напр., O. Zilynskyj, *K historické klasifikaci jarního písňového folklóru u východních a západních Slovanů*; «Slov. národopis», 1963, ро. 11, стр. 259—285; O. Sirovátka, *Vyprávění a dramatická řeč v lidové baladě*, «Slovácko», 1964, ро. 6, стр. 43—52; J. Jech, *Zur Methode der wiederholten Aufzeichnung von Volkerzählungen*, «Laographia», IV, International Congress for Folk Narrative Research in Athens, Lectures and Reports, Athény, 1965, S. 199—208; еро же, *Zur Erforschung der nationalen Eigenarten des Märchens*, там же, S. 516—526; K. Dvořák, *Kette und Ring als Strafe*, «Deutsches Jahrbuch für Volkskunde», 1965, Уд. 11, т. II, S. 332—339; J. Jech, *Freundschaftliche Wendungen in der Volkskunde*, там же, S. 275—299; H. Laudová, *Sword dances and their parallels in the CSSR*, «Journal of International Folk Music Council», vol. 15, June 1963, pp. 62—63; J. Jech, *Retězová variabilita českých tolklórních látek* (в печати) и др.

³³ Ср., напр., A. Sivek, *Ondráš z Janovic*, Ostrava, 1958; A. Melicherčík, *Jánoškovská tradícia na Slovensku*, Bratislava, 1952; еро же, *Juraj Jánošík, hrdina protifeudálneho odboja slovenského ľudu*, Martin, 1963; V. Gašparíková, *Zbojník Michal Vdovec v histórii a folklóre gemerského ľudu*, Bratislava, 1964; J. Kramářík, *Kozínovská pověst* (в печати).

³⁴ Напр., K. Horáľek, *Le specimen folklorique du roman byzantin «Kallimachos et Chrysorhoë»*, «Laographia», IV, Congress ISFNR, стр. 174—178; O. Sirovátka, *Die Erle — Die verwünschte Tochter*, «Deutsches Jahrbuch für Volkskunde», 1965, Уд. 11, т. II, S. 300—308; O. Sirovátka, *Česká lidová slovesnost a její mezinárodní vztahy* (в печати).

³⁵ Напр. D. Klímová—Rychnová, *Vyprávěčský repertoár národopisné oblasti ve světle hospodářských a společenských styku*, ČL, ро. 51, стр. 65—72; ее же, *Příspěvek k studiu vyprávěčských motivu*, ČL, ро. 52, стр. 14—24.

³⁶ Напр. S. Burlasová, *K problému genézy, funkcie a štýlu ľudovej piesne s družstevnou tematikou*, «Slov. národopis», 1964, ро. 12, стр. 3—67.

атласа в многотомном труде по истории чешской и словацкой народной культуры. Основу атласа составит группа тесно связанных между собой карт, отражающих распространение отдельных явлений. Таковы, например, карты распространения отдельных типов земледельческих орудий, способов обработки земли, торговых центров и торговых путей и т. д.

Материалы к отдельным картам — а они связаны с подготовкой основного обобщающего труда — собираются, с одной стороны, с помощью сети корреспондентов, организованных Чехословацким Этнографическим обществом, с другой стороны, подготавливаются всем коллективом научных работников, исследующих отдельные стороны народной культуры на основе собственных полевых материалов, старых этнографических собраний, разнообразных архивных и литературных источников. Чехословацкий этнографический атлас, отдельные тетради которого будут издаваться регулярно с 1972 г., явится одним из главных результатов подробного этнографического исследования территории Чехословакии.

Перечень работ, которыми заняты сейчас чешские и словацкие этнографы и фольклористы одновременно с подготовкой труда по истории чешской и словацкой культуры, очень пестр и велик. С одной стороны, он включает в себя ряд конкретных исследований, с другой — касается многих основных теоретических вопросов, без решения которых невозможно продолжать разработку общей теории развития народной культуры и выяснить роль отдельных факторов, определяющих это развитие.

SUMMARY

Outlining the main problems and methods in Czechoslovak ethnography and folklore, the author gives an account of the preparation of voluminous work on the history of Czech and Slovak folk culture as well as the investigations carried out in this connection.
